

БОКИНСКИЙ МОГИЛЬНИК СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОРДВЫ

© 2020 г. С.И. Андреев

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия

E-mail: ioptambov@mail.ru

Поступила в редакцию 28.12.2017 г.

После доработки 19.06.2018 г.

Статья посвящена результатам исследования грунтового могильника на окраине с. Бокино (Тамбовская обл.). Выявлено 42 захоронения: 19 женских (из них четыре детских), 21 мужское (одно детское); разрушены были еще как минимум два женских. Среди захоронений 35 имели юго-восточную ориентировку, три — строго южную, одно — юго-западную. Мужчины хоронились вытянуто на спине; положение их рук различно: скрещены на животе, вытянуты вдоль тела, либо одна лежала на животе, другая — вдоль тулова. Женщины — на правом боку, лишь в одном случае на левом; ноги были поджаты, руки согнуты так, что ладони помещались перед лицом. Выявлены и отдельные черепа. Картографирование захоронений позволяет предположить наличие на могильнике семейных участков. Опираясь на аналогии особенностей погребального обряда, типов разнообразного инвентаря, можно утверждать, что могильник принадлежал мордве-мокше, проживавшей в непосредственной близости от этого места во второй половине XIII — третьей четверти XIV в. Бокинский могильник — единственный памятник такого рода на территории Тамбовской области. Остается не выясненной причина появления в верховьях Цны мордовского населения, не имевшего генетической связи с предшествующим. В настоящее время в регионе исследовано два памятника этого же времени, на которых совместно проживали русские и мордва при существенном преобладании первых. Уход населения из региона связан с прекращением стабильности в Орде в конце XIV в.

Ключевые слова: Тамбовская область, средневековые памятники, цнинская мордва, могильник, погребальный обряд.

DOI: 10.31857/S086960630009079-5

В июле 2016 г. археологической экспедицией Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина проведены охранно-спасательные раскопки могильника у с. Бокино в Тамбовском р-не Тамбовской обл. (рис. 1, II). Земельный участок расположен в южной части современного села. С востока памятник ограничен склоном коренного берега, выходящего к старичному рукаву р. Цна. Могильник располагается в 0.35 км к северо-западу от моста через реку по окружной дороге вокруг Тамбова на высоте 120.7–121.02 м над уровнем моря. Почти вся дневная поверхность некрополя еще до начала наших работ была спланирована строителями. В июне 2013 г. на участке началось возведение жилого дома, при этом была уничтожена часть захоронений (предположительно четыре погребения). Позже установлено, что южная часть некрополя уничтожена полностью, были заметны и следы грабительских

раскопов — на поверхности выявлены многочисленные разрозненные человеческие кости.

В результате наших работ исследована отводимая под застройку территория, которая, по всей видимости, является юго-восточной частью некрополя; изучено раскопом 260 м², осмотрено около 100 м² внутри сооруженного фундамента дома, выявлено 42 захоронения разной сохранности, а также переотложенные костные останки из как минимум 6 захоронений.

Мощность слоя в пределах раскопа составляла от 0.05 до 1.05 м, в среднем 0.4. Стратиграфия по всей площади трехчастная. В непотревоженных местах под слоем дерна прослеживался слой темно-серого гумуса (чернозема) мощностью от 0.05 до 0.45 м. Ниже залегал слой светло-коричневого гумуса с включениями суглинка мощностью 0.2–0.4 м. Его подстилал материк — желтая глина.

Основные данные погребальных комплексов

Basic data of burial complexes

№ погребения	Пол	Возраст	Ориентация	Наличие вещей в комплексе	Сосуд	Сюльгамы	Бусы	Пудокерь	Перстень	Топор	Стрела	Кресало	Поясная (?) застежка	Нож	Напутственная пища	Трофей (человеческие кости)	Отсутствие части костей
1	Ж	3–5	Ю, ЮВ	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	М	30–40	—“—	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+
3	Ж	2–3	—“—	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	М	15–20	—“—	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
5	—“—	20–30	Ю	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	+
6	—“—	30–40	ЮВ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
7	—“—	30–40	ЮЗ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
8	Ж	30–40	Ю, ЮВ	+	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+
9	Ж	5–6	ЮВ	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+
10	М	30–40	ЮВ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+
11	М	30–40	В, ЮВ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
12	Ж	1	Ю, ЮВ	+	-	-	+	-	-	Ю	-	-	-	-	-	-	+
13	Ж	10–15	—“—	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+
14	М	25–30	—“—	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	+
15	Ж	20–30	—“—	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
16	Ж	10–12	—“— ?	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
17	Ж	20–30	—“—	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
18	М	30–40	—“—	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	+
19	?	20–30	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
20	М	30–40	Ю, ЮВ	+	-	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	-
21	Ж	30–40	—“—	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
22	Ж	20–25	—“—	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
23	Ж	30–40	—“—	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
24	М	30–40	ЮВ	+	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-
25	Ж	40–50	Ю, ЮВ	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
26	М	30–40	ЮВ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+
27	Ж	15–20	Ю	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+
28	Ж	20–30	Ю, ЮВ	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
29	М	30–40	Ю, ЮВ	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
30	?	30–40	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
31	М	30–40	Ю, ЮВ	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
32	М	30–40	Ю	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+
33	Ж	3–5	ЮВ	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
34	Ж	40–50	Ю, ЮВ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
35	М	40–50	Ю, ЮВ	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-
36	—“—	30–40	ЮВ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
37	—“—	2–3	Ю	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
38	—“—	30–40	Ю, ЮВ	+	-	-	-	-	+	-	-	+	+	+	+	+	-
39	Ж	30–40	ЮВ	+	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
40	М	40–50	Ю, ЮВ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
41	Ж	20–30	ЮВ	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
42	М	40–50	Ю, ЮВ	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+

В местах с переотложенным слоем стратиграфия простейшая – перемешанный слой мощностью 0.1–0.4 м и слой гумусированного суглинка мощностью до 0.3 м. Центральная часть раскопа представляла собой полностью переотложенный слой с включением

материковой глины. Всего в слое раскопа (в темно-сером гумусе и верхней части светло-коричневого гумусированного суглинка) обнаружено 432 индивидуальные находки, включая немногочисленные фрагменты лепной керамики XIII–XIV вв., часть которых

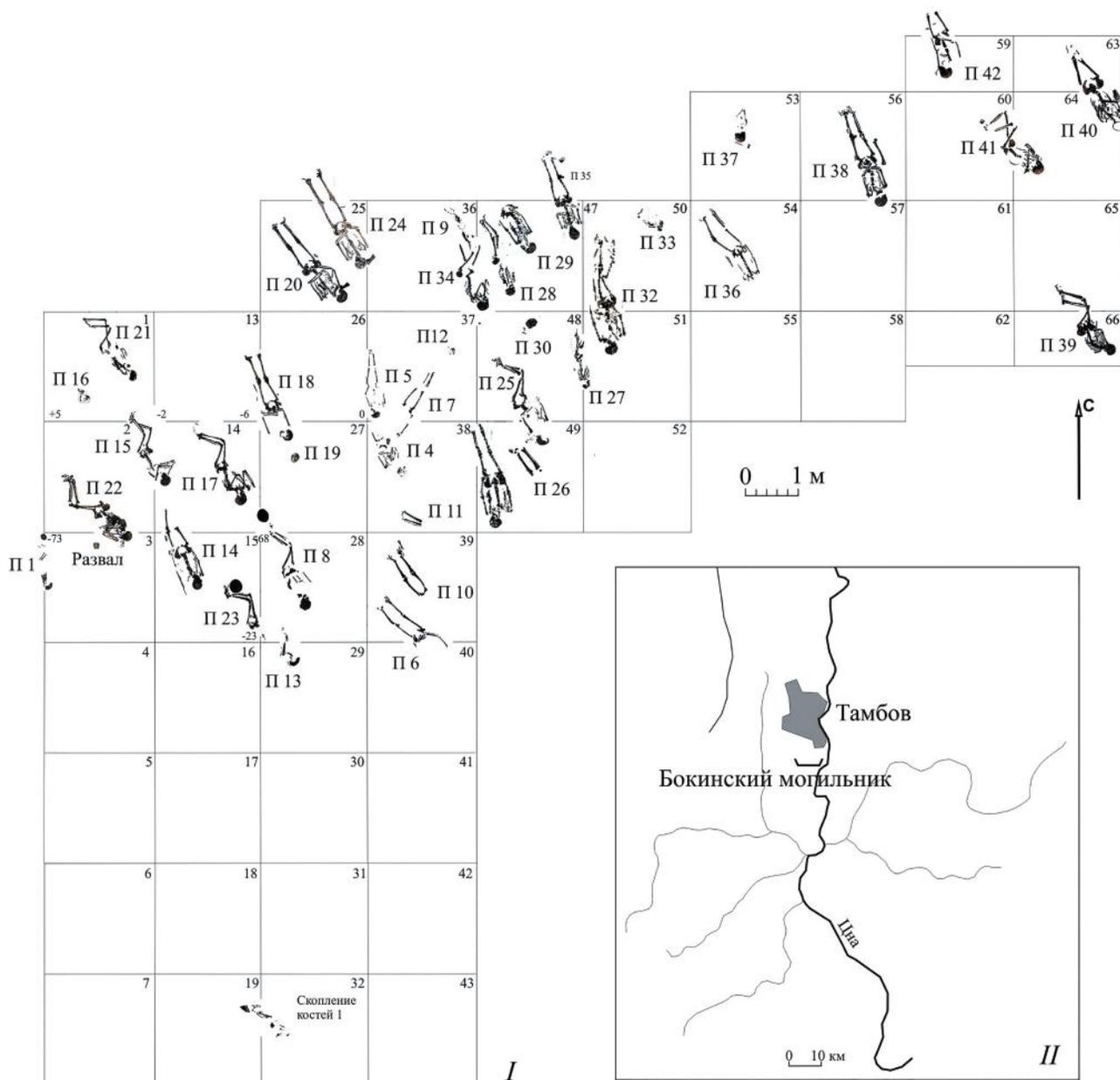

Рис. 1. Бокинский могильник – местоположение (II) и планиграфия погребений (I).

Fig. 1. The Bokino cemetery – the location (II) and planigraphy of burials (I)

удалось собрать и реконструировать формы сосудов. Установлено, что иные культурные остатки, кроме связанных с функционированием древнемордовского могильника в XIII–XIV вв., на территории кладбища отсутствуют.

Основная информация о погребениях представлена в сводной таблице. Всего из 42 захоронений 19 женских (из которых 4 детских), 21 захоронение мужское (из которых 1 детское), из разрушенных захоронений как минимум 2 женских. Подавляющее большинство могил ориентировано в юго-восточный сектор.

Только одно захоронение имеет юго-западную ориентировку. Мужчины хоронились вытянуто на спине, положение рук различно: скрещены на животе, вытянуты вдоль тела или комбинированное. Женщины – на правом боку, только в одном случае на левом. При этом ноги поджаты, руки согнуты, ладони перед лицом (рис. 1, I).

Кроме того, выявлен обряд захоронения черепов. Два можно характеризовать как самостоятельные (погр. 16, 30), череп из погребения 19, возможно был положен в погребение 18,

однако определенно это установить невозможно. Подобный обряд известен в Комаровском могильнике, где в погребении 11 недалеко от черепа погребенного был положен человеческий череп-трофей (Моржерин, 2013. С. 142).

Особенность Бокинского могильника — все выявленные погребения совершены в черноземном слое, поэтому по причине его особенностей полностью отсутствует информация о форме и размерах могильных ям. Глубина захоронений различна: от находящихся практически под дерном (например, погр. 40) до глубины 0.8 м от уровня дневной поверхности (погр. 24). Детали погребального обряда удалось проследить в погребении 21 благодаря окислам меди. Под накосником-пулокерем сохранилась часть подстилки погребения в виде небольшого фрагмента луба. Можно предположить, что и в остальных захоронениях использовался луб в качестве подстилки. Следы деревянных гробовин не обнаружены. По анатомическим нюансам некоторых погребений можно предположить наличие савана.

Часть захоронений, как упомянуто выше, пострадала при строительных работах на участке — отсутствуют многие костные останки. Но некоторые погребенные (погр. 27, 29) лишились части своих конечностей при жизни или сразу после смерти. При этом в двух могилах выявлены останки и других людей: в погребении 38 — бедренная кость, в погребении 42 — нижняя челюсть.

В целом, судя по планиграфии погребений, можно говорить о группах захоронений близких родственников. Только одна могила была перерезана более поздней. В остальных случаях умершие хоронились индивидуально или дополнительно к уже погребенному.

Характеристика вещевого материала. В погребение 37 — мужское захоронение (мальчика) — был положен жертвенный набор женских украшений. Предметы всех других погребальных комплексов соответствовали полу покойного.

Самый многочисленный вид находок (не считая бус) — *застежки-сюльгамы* (рис. 2), представляющие собой простые застежки с несомкнутыми концами и с подвижной стержневидной иглой, охватывающей рамку. Опираясь на типологию, предложенную В.И. Вихляевым, А.А. Беговаткиным, О.В. Зеленцовой, В.Н. Шитовым (Вихляев и др., 2008. С. 43), мы

разделили находки на группы по материалу и технике изготовления.

К первой группе относятся бронзовые кованые, с округлым в поперечном сечении кольцом, все без орнамента (рис. 2, 1–15). Часть сюльгам относится к типу 8 (рис. 2, 2, 4–6, 9, 12, 14, 15), другая часть — к типу 10 (рис. 2, 1, 3, 7, 8, 10, 11, 13). Пять сюльгам имеют горизонтальные насечки, что является, по всей видимости, особенностью технологии изготовления (рис. 2, 1, 5, 6, 11, 12). Нижняя часть лопастей одной из сюльгам имеет отверстия и остатки медных колец, использовавшихся для подвешивания других украшений (рис. 2, 12). Бытование этого типа сюльгам относится ко второй половине XIII–XIV в. (Вихляев и др., 2008. С. 48).

Вторая группа включает в себя бронзовые литые, с округлым в сечении кольцом (рис. 2, 16–30). Три сюльгамы близки к типу 3 (по В.И. Вихляеву и др.), варианту “а” — без орнамента, только в отличие от типа 3 они плоские, без граней (рис. 2, 22, 23, 26). Другая часть относится к типу 5. У всех экземпляров этого типа у основания кольца имеется орнаментированный выступ. Орнамент практически не повторяется. Это разные варианты насечек (рис. 2, 16–21, 24, 25, 27–30) и орнамент в виде округлых углублений (рис. 2, 21). В одном случае крестовидной насечкой украшена и нижняя часть лопастей (рис. 2, 20). Данные типы сюльгам, как и предыдущая группа, относятся в ордынскому времени (Вихляев и др., 2008. С. 58).

Третью группу сюльгам представляют шесть экземпляров, изготовленных из серебра или сплава меди с серебром (рис. 2, 31–36). Все они кованые и орнаментированы, техника орнаментации разнообразна. Это гравировка в сочетании с напайкой растительного и геометрического орнамента (рис. 2, 31, 32, 35), кручение (рис. 2, 33), чеканка (рис. 2, 36). Особенно выделяется экземпляр, изготовленный из высокопробного серебра в технике гравировки, пайки и золочения (рис. 2, 34). Прямые аналогии данным типам сюльгам находятся в составе инвентаря Муранского могильника, датированного XIV в. (Алихова, 1954. С. 266, 272, 274), Комаровского (Моржерин, 2013. С. 177) и Аткарского (Ляхов, 1997. С. 81) могильников. Только одним экземпляром представлена кольцевидная бронзовая кованая застежка с завернутыми перпендикулярно плоскости кольца концами,

Рис. 2. Сюльгамы. 1 – п. 1; 2, 16, 17 – п. 13; 3, 18, 19 – п. 17; 4, 22–24 – п. 25; 5, 25, 32 – п. 27; 6 – п. 28; 7, 8 – п. 39; 10 – п. 37; 20, 21 – п. 22; 31 – п. 15; 33 – п. 37; 9, 11–15, 26–30, 34–36 – из межмогильного пространства. 1–30 – медный сплав; 31–36 – сплав меди с серебром.

Fig. 2. Syulgamas

Рис. 3. Железные предметы. 1–12 – ножи; 13 – косарь; 14–19 – поясные пряжки. 1, 14 – п. 2; 2, 15 – п. 5; 3 – п. 14; 4, 16 – п. 18; 5, 17 – п. 20; 6 – п. 32; 7 – п. 37; 8, 18 – п. 38; 13 – п. 17; 9–12, 19 – из межмогильного пространства.
Fig. 3. Iron objects

не выступающими за ширину поперечного сечения кольца (рис. 2, 27). Этот тип застежек просуществовал до середины XIII в. (Вихляев и др., 2008. С. 43). В других синхронных могильниках подобный тип сьюльгам встречается значительно чаще.

Ножи в Бокинском могильнике представлены 12-ю экз. (рис. 3): 8 из мужских захоронений и 4 из межмогильного пространства. По своему функциональному назначению они относятся к следующим типам: универсальные, 8 экз. (рис. 3, 1–3, 5–7, 9, 10); столовые, 2 экз. (рис. 3, 11, 12); 1 экз. предположительно

относится к инструментам обработки кожи (рис. 3, 3); 1 экз. – для обработки дерева (рис. 3, 8). Один нож был тщательно обработан, имел медное кольцо на перекрестии, а на тыльной части деревянной ручки – костяную набойку (рис. 3, 6). Подавляющее большинство ножей – с деревянными ручками, только в одном случае в слое могильника найдена костяная рукоять из рога (рис. 4, 9).

К немногочисленным сельскохозяйственным орудиям относится найденное в погребении 17 ножевидное орудие изогнутой формы (рис. 3, 13). Оно плохо сохранилось, имеются

Рис. 4. Гребень (1), пряслица (2–8), рукоять ножа (9), кинжал (10), наконник-пулокерь (11). 1, 11 – п. 21; 2 – п. 22; 3, 10 – п. 34; 4–9 – из межмогильного пространства. 1 – дерево; 2–7 – глина; 8–10 – кость; 11 – дерево, кожа, медь.
Fig. 4. Comb (1), whorls (2–8), knife grip (9), dagger (10), *puloker* – tubular decorative case for a female plait – (11)

две заклепки от накладной рукояти. Можно предположить, что это секач.

Отметим практически полное отсутствие в мужских захоронениях поясной гарнитуры. Только в пяти случаях зафиксированы железные округлые пряжки (рис. 3, 14–18). В межмогильном пространстве найдена пряжка подпрямоугольной формы (рис. 3, 19). Эти пряжки больше напоминают элементы конской упряжи. В Комаровском и Аткарском могильниках находки пряжек, считающихся поясными, также единичны.

Бусы в Бокинском могильнике представляют довольно многочисленную категорию находок

(рис. 5). Всего в погребениях и межмогильном пространстве найдено 256 бусин, 1 раковина каури и амулеты-подвески из 4-х клыков куницы (рис. 5, 38), 1-го клыка выдры (рис. 5, 40), 3-х таранных костей (рис. 5, 41). Бусины изготовлены из стекла и кашина. Основные типы стеклянных навитых бусин следующие: округлая битрапецеоидная, прозрачная синего цвета (рис. 5, 16); цилиндрическая с накладными нитями стекла, полупрозрачная черного цвета, декор – однократный зигзаг белого цвета (рис. 5, 17); округлая эллипсоидная, белого цвета (рис. 5, 27); округлая зонная, черного цвета со спиральным узором, выполненным накладными нитями стекла

Рис. 5. Бусины и подвески. 1 – п. 12; 2–4, 28, 38, 39 – п. 16; 5 – п. 28; 13–15, 41 – п. 27; 23–26 – п. 33; 29–31 – п. 37; 32–37, 46, 47 – п. 39; 40, 42–45 – п. 1; 6–12, 16–22 – из межмогильного пространства. 1–27, 42–47 – стекло; 28–37 – кашин; 38–41 – кость.

Fig. 5. Beads and pendants

желтого цвета (рис. 5, 6); округлая битрапециодная, с широким каналом, синего цвета (рис. 5, 7); округлая зонная, черного цвета со спиральным узором, выполненным накладными нитями стекла белого цвета (рис. 5, 9); белая, с накладными нитями стекла, декор – многократная линия голубого цвета (рис. 5, 12).

Отдельные виды стеклянных навитых бусин: две пятнистые зонные, черные непрозрачные, декор многоцветный (рис. 5, 8, 11); пятнистая бочковидная, черная непрозрачная, декор многоцветный (рис. 5, 10); округлая шаровидная, синего прозрачного стекла (рис. 5, 1); округлые зонные, пять – белого цвета, одна – синего и одна – красно-коричневого (рис. 5, 18–21, 25). Кроме того: бусина эллипсоидная продольно-ребристая, образующая в поперечном сечении розетку (рис. 5, 42); эллипсоидная черная непрозрачная, декорированная лентой и нитью (рис. 5, 44); шарообразная непрозрачная (рис. 5, 45); ребристая битрапециодная (рис. 5, 43).

Перечислим остальные виды стеклянных бусин: тип пятнистых, круглых в сечении,

зонных, черного цвета с тремя белыми глазками (рис. 5, 2); две типа многоцветных, орнаментированных, круглых в сечении, зонных, желтого цвета, среднего размера, покрытых белыми спиралями (рис. 5, 3, 4); две типа навитых, округлых битрапециодных, одна – голубого цвета (рис. 5, 13), другая – темно-красного (рис. 5, 15); из тянутых трубочек лимонovidных по форме, желтых по цвету (рис. 5, 14). Кроме того: округлая в сечении, черного цвета с белым спиральным узором (рис. 5, 5); две типа навитых, округлых зонных, белого цвета (рис. 5, 25, 26); навитая, округлая эллипсоидная (рис. 5, 24); эллипсоидная крупная, белая, украшенная спиралью зеленого (голубого) цвета (рис. 5, 23). Еще две бусины относятся к типу навитых пятнистых, цвет основы – синий: одна бело-коричневая, другая – сине-белая; обе сильно расстеклованы, т.е. стекло бусин подверглось выщелачиванию (рис. 5, 46, 47).

Кашинных бусин найдено 10 экз. Как считает Ю.М. Лесман, поступление кашинных бус на Русь происходило в промежутке между 1238 и 1269 гг., их массовое появление и быстрый (в течение менее столетия) почти полный выход

Рис. 6. Топоры (1–4), наконечники стрел (5–10), кресала (11–19). 1, 14 – п. 20; 2, 12 – п. 24; 3 – п. 35; 5–7 – п. 29; 11 – п. 5; 13 – п. 38; 15 – п. 32; 16 – п. 31; 17 – п. 18; 18 – п. 14; 19 – п. 42. 4, 8–10 – из межмогильного пространства. Железо.

Fig. 6. Axes (1–4), arrowheads (5–10), fire-steels (11–19)

из обихода позволяет предполагать их разовое поступление (Лесман, 1994. С. 191). Они относятся к следующим типам (Лесман, 1994. С. 187). Две бусины голубого цвета (рис. 5, 28, 32),

фигурные с ободками-валиками вокруг отверстия и наклонными решетчато пересекающимися насечками по полю (тип 6). Ближайшая аналогия этим бусинам происходит

из погребения 44 Аткарского могильника XII–XIV вв. (Ляхов, 1997. С. 96). Две ребристые (тип 4) (рис. 5, 33, 37), одна фигурная с валиками вокруг отверстия и насечками по полю – наклонными и поперечными (рис. 5, 36), но не образующими правильной решетки (тип 5). Одна бусина с валиками-обводками вокруг отверстия сине-голубого цвета и белыми пятнами (рис. 5, 30) и две крупные в виде вытянутого эллипса бело-голубого цвета (рис. 5, 29, 31). Этот тип представлен в основном в могильниках Поволжья. Еще две бусины фигурные с ободками-валиками вокруг отверстия и с бугорками на поверхности (рис. 5, 34, 35) не описаны в указанной выше типологии Ю.М. Лесмана.

Немногочисленны находки *пряслиц* (рис. 4, 2–8). Две – из погребений, четыре – вне их и одно происходит из явно переотложенного захоронения. Шесть *пряслиц* глиняные, хорошо выделанные, заглаженные, имитируют шиферные, из них пять биконических (рис. 4, 2–4, 6, 7), одно цилиндрическое (рис. 4, 5). Уникально биконическое *пряслице*, изготовленное из кости (рис. 4, 8).

Впервые в регионе найден деревянный (самшитовый) *гребень* (рис. 4, 1), относящийся к типу двусторонних прямоугольных, украшенных циркульным орнаментом. В Новгороде этот тип *гребней* бытовал с начала XIII по первую половину XV в. (Колчин, 1982. С. 162).

Необычная находка – *костяной кинжал* (рис. 4, 10) из женского погребения 34. Он изготовлен из расколотой вдоль трубчатой кости ноги крупного копытного животного. Одна из кромок заострена, поверхность заполирована. Длина кинжала – 28 см, ширина – 3.

Типичное мокшанское женское украшение того времени – *пулокери-накосники* двух типов (Беляев и др., 1998. С. 11). В Бокинском могильнике *пулокери* найдены в четырех погребениях и один экз. – в межмогильном пространстве. Все относятся к первому типу (по Я.В. Беляеву и др.), у которых основа в виде деревянных сложенных в виде трубки и сужающихся к концу палочек, внутри которых содержатся волосы. Палочки обмотаны ремешком плотно, виток к витку. В свою очередь ремешок обмотан тонкой бронзовой проволокой, так же плотно. Подобный тип *пулокерей*, по мнению А.Е. Алиховой, типичен именно для XIV в. (1954. С. 272).

Топоры представлены четырьмя экз. (рис. 6, 1–4). Первые два относятся к типу рабочих, проушных, имеют округлые обух и обушное отверстие диаметром 3.5 см. Общая длина топоров – 20 и 19.5 см, ширина лезвия – 6.5 и 7 соответственно (рис. 6, 1, 2). Третий относится к типу VI бородавчатых с оттянутым книзу лезвием и двумя парами боковых щекавиц (рис. 6, 3). Топор имеет округлые обух и обушное отверстие диаметром 3.4 см. Общая длина топора – 19.6 см, ширина лезвия – 6 (часть лезвия утрачена). Наибольшее распространение этот тип получил в XI–XII вв. в Восточной Европе (Кирпичников, 1966. С. 38). Четвертый, относящийся к типу VIIA по А.Н. Кирпичникову, – боевой, с отверстием на лезвии; такие топоры типичны для XII–XIV вв. (Кирпичников, 1966. С. 40). Обушное отверстие овальное, длина топора – 16.2 см, ширина лезвия – 9.

Наконечники стрел. Два наконечника в плохом состоянии, лавролистные (рис. 6, 5, 6) – тип 63 по А.Ф. Медведеву, время употребления которых – период с рубежа эр по позднее средневековье (Медведев, 1966. С. 74). Третий (рис. 6, 7) треугольный (тип 37), VIII–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 62). Четвертый (рис. 6, 8) относится к типу 67 по А.Ф. Медведеву – срезни в виде узкой вытянутой лопаточки, типичны для XIII–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 75). Пятый (рис. 6, 9) относится к типу 66 по А.Ф. Медведеву – веслообразные без упора, типичны для XIII–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 75). Шестой (рис. 6, 10) относится к типу 78 по А.Ф. Медведеву – ланцетовидные ромбического сечения, вариант 2, типичны для XIII–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 79, 80).

В погребениях могильника найдено девять *кресал* (рис. 6, 11–19) и обломок одного в межмогильном пространстве. Наиболее ранние – три калачевидных *кресала*, одно без язычка (рис. 6, 11) и два со слабо выраженным треугольным язычком (рис. 6, 12, 13), сечение прямоугольное. Остальные *кресала* овальные, двулезвийные, с овальной прорезью. Сечение как овальное, так и круглое. Четыре орудия относятся к типу овальных коротких (рис. 6, 14, 16, 17, 19) и два – к типу овальных длинных (рис. 6, 15, 18).

В погребениях и вне их найдено шесть *перстней* (рис. 7). Три – из женских захоронений (рис. 7, 1, 3, 4), один – из мужского (рис. 7, 2) и два – из межмогильного пространства (рис. 7, 5, 6).

Рис. 7. Украшения. 1–6 – перстни; 7, 8 – височные кольца; 9 – кольцевидная застежка; 10 – браслет. 1 – п. 8; 2 – п. 38; 3, 4 – п. 39; 7–9 – п. 27; 10 – п. 28; 5, 6 – из межмогильного пространства. 1, 4 – серебро, чернение, позолота; 3 – серебро, стекло, перламутр; 5 – серебро; 6 – медный сплав, стекло; 7–10 – медный сплав.

Fig. 7. Ornaments

Два перстня (серебряные с чернью и позолотой) по своему происхождению относятся к кругу украшений Волжской Булгарии. Перстни пластинчатые широкосердцевидные, с замкнутыми концами. Шинка в одном случае сегментовидная в сечении, в другом случае прямоугольная. Щиток прямоугольный (рис. 7, 1) и квадратный (рис. 7, 4). Орнамент в виде розеток геометрического характера нанесен методом гравировки. Щитковый пластинчатый перстень из мужского захоронения изготовлен из бронзы, является подражанием болгарским типам. Щиток прямоугольный без рисунка (рис. 7, 2). К подражаниям относится перстень, найденный в межмогильном пространстве, – серебряный, щиток подквадратной формы, на нем рисунок в виде креста, заключенного в квадрат, нанесен методом гравировки (рис. 7, 5). Шинка перстня в поперечном разрезе подквадратной формы, спаяна в нижней части.

Уникален перстень из женского захоронения 39 – серебряный со стеклянной вставкой

в жуковине, под стекло подложен кусочек перламутровой раковины, под перламутром – глина для придания перстню прочности (рис. 7, 3). Очень близкая аналогия из Жинвальского могильника Накалакари Восточной Грузии датируется XI–XIV вв. (Крым..., 2003. С. 410. Табл. 126, 6). В межмогильном пространстве найден экземпляр из медного сплава. Перстень щитковый, на щиток прикреплен полупрозрачный камень красно-коричневого цвета, плоско-выпуклой формы. Возможно, это стекло, оно сильно корродировалось и имеет желтый отлив (рис. 7, 6). Крепление вставки остается неясным, возможно, она была просто приклеена.

Височные кольца представлены только одной парой. Это медные перстнеобразные проволочные изделия с несомкнутыми концами, округлые в сечении (рис. 7, 7, 8). Этот тип широко известен в Северной Руси X–XIII вв., в слое Новгорода Великого – до XV в. включительно (Седова, 1981. С. 13). Возможно

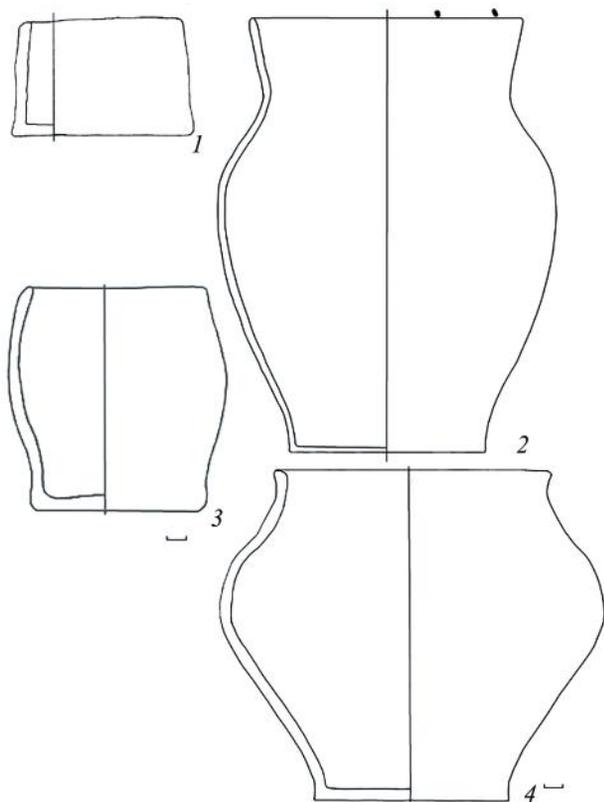

Рис. 8. Глиняная посуда. 1 – п. 1; 2 – п. 8; 3 – из межмогильного пространства; 4 – п. 23.

Fig. 8. Pottery

кольца из Бокинского могильника использовались как серьги.

Также одним экземпляром представлен *браслет* – медный пластинчатый равноширокий, со скругленными концами. Внешняя сторона середины и края украшены крестообразными насечками (рис. 7, 10). В слое Новгорода близкие по типу браслеты датированы XII–XIV вв. (Седова, 1981. С. 103–106).

Посуда. Всего в погребениях и вне их найдено четыре сосуда. Отметим, что на синхронных памятниках находки глиняной посуды также единичны. Погребение 1 – сосуд-стакан, по форме близкий к кружке, с вертикальными стенками, верхний край несколько загнут внутрь, дно с выраженной закраиной. Тесто плотное, хорошо обожженное с незначительной добавкой шамота среднего размера (рис. 8, 1). Прямой аналогии сосуда найти не удалось. Близки ему усеченно-конические бокалы, однако такая посуда выходит из употребления в XI в. (Гришаков, 1990. С. 38).

Погребение 8 – сосуд плохой сохранности из-за некачественного обжига. Это горшок

с плавно профилированным туловом, расширенным в верхней части, шейка несколько вытянута. Тесто рыхлое, без добавок, край венчика украшен широкими редкими насечками (рис. 8, 2). По всей видимости, сосуд изготовлен непосредственно для ритуала погребения. Близкие по форме сосуды в Почежье вышли из употребления в XI в. (Гришаков, 1990. С. 33). В материалах Муранского могильника имеются близкие формы (Алихова, 1954. С. 287). Возможно, что эта форма сосуда сложилась под влиянием древнерусской гончарной традиции (Тропин, 2004. С. 133).

Погребение 23 – горшок со стройным усеченно-коническим туловом, плавно выраженными плечиками и несколько раструбообразным горлом. Сосуд плохой сохранности из-за плохого обжига. Тесто рыхлое, без добавок (рис. 8, 4). Подобная керамика на Верхней и Средней Цне исчезает еще в VIII в. (Гришаков, 1990. С. 36). Однако в Муранском могильнике этот тип доживает до XIV в. По всей видимости, сосуд изготовлен непосредственно для ритуала погребения.

Вне погребений найден сосуд 4. По форме это закрытая банка, тесто плотное, с добавлением мелкого шамота, обжиг хороший (рис. 8, 3). Среди среднецнинской керамики этот тип сосудов отсутствует, но довольно распространен в погребениях XIII в. Кельгининского могильника (Беляев и др., 1998. С. 165) и XIII–XIV вв. Муранского могильника (Алихова, 1954. С. 285, 286).

Проведенные археологические исследования позволили изучить значительную часть древнемордовского некрополя. Опираясь на аналогии особенностей погребального обряда, типов инвентаря из могил и межмогильного пространства, можно утверждать, что Бокинский могильник принадлежал мордве-мокше, проживавшей в непосредственной близости от этого места во второй половине XIII – третьей четверти XIV в. На сегодняшний день данный памятник – крайний юго-восточный объект такого рода и единственный на территории Тамбовской обл.

К сожалению, значительная его часть оказалась разрушена или ограблена. Это не позволяет в полной мере охарактеризовать основные занятия населения, хоронившего здесь своих умерших. Из 42 погребений 3 – захоронения черепов; 3 костяка ориентированы строго в южном направлении, 1 – в юго-западном, 35 – в юго-восточном. Особенность могильника – отсутствие впущенных в материк

захоронений, т.е. все совершены в черноземном слое. Планиграфия погребений позволяет предположить наличие семейных участков.

Из 11 известных на сегодняшний день могильников среднецнинской мордвы все прекращают функционировать на рубеже XI–XII вв. (Материалы..., 1952; Материальная культура..., 1969; Воронина, 2007; Андреев, 2008а, б). Как считает Г.Н. Белорыбкин (2003), в XII–начале XIII в. произошли крупные изменения в Мокшанско-Цнинской группе мордовских памятников. Территория их распространения резко сокращается, а южная граница сдвигается севернее и тянется уже от среднего течения р. Выша до р. Мокша. Пока нет абсолютно достоверных фактов, позволяющих определить причины исчезновения большой группы мордовских памятников на р. Цна. Возможно, это результат половецкого нашествия, что привело к уничтожению населения или вследствие присоединения этих земель к Рязанскому княжеству и ассимиляции населения. Нет никаких следов его миграции. При этом количество памятников мордвы в Примокшанье сокращается (Белорыбкин, 2003. С. 40).

Таким образом, причина появления мордовского населения, не имеющего генетической связи с жившей ранее мордвой в верховьях Цны, пока остается не выясненной. Появление этого населения происходит после установления ордынского контроля, при том, что данная территория пограничная между Рязанским княжеством и улусом Мохши Золотой Орды. Возможно, этот памятник является одним из тех, что отражают феномен того времени — масштабные переселения в глубь ордынских земель многочисленного населения, в основном мордовского.

Известен ряд памятников подобного рода: Муранский могильник и селище в Самарской обл. (Алихова, 1954), Комаровский (Моржерин, 2013) и Аткарский могильники в Саратовской обл. (Монахов, 1991; Ляхов, 1997), Барбашинский могильник на территории Самары (Сташенков, 2014. С. 326) и др. Перечисленные погребальные памятники близки между собой не только по времени, но и по обряду захоронения и вещевому комплексу.

Одно выделяет рассмотренный Бокинский могильник — он находится на территории Рязанского княжества, кроме того, примерно в 0,6 км к югу от могильника располагается обширное (до 20 га) древнерусское селище того же времени (Андреев, 2013. С. 93). Генетически

близки по обряду и предметам Бокинскому могильнику погребальные памятники низовой Цны и Мокши, т.е. северного ареала мокши: это захоронения XIII в. Кельгининского могильника (Беляев и др., 1998); Старосотенский могильник (Алихова, 1948. С. 212), Долгоруковский могильник XIV в. (Беляев, Шитов, 1990. С. 92). Можно предположить, что в середине XIII в. группа мордовского населения с территории низовой Цны была принудительно переселена в верховья этой реки. Цель переселения остается неясной. Уход населения (как мордовского, так и русского) связан, по всей видимости, с прекращением стабильности в Орде, т.е. произошел в конце XIV в.

Сплошные разведки, проведенные в верховьях Цны и ее притоках (реки Лесная, Тамбов, Нару-Тамбов, Липовица, Кориан, Сява, Челновая), показали отсутствие на этой территории мордовских поселений вплоть до второй половины XVI в., что подтверждается находками типичных для этого времени украшений и некоторых других предметов (Андреев, 2002, 2003), при этом памятники XV–первой половины XVI в. отсутствуют полностью. Продвижение мордовского населения, судя по всему, происходило с севера на юг. Крайняя южная точка этого продвижения — поселения у с. Машиновка (30 км севернее Тамбова).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алихова А.Е. Старосотенский могильник // Археологический сборник. Вып. 1. Саранск, 1948. С. 212–258.
- Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1954 (МИА; № 42). С. 260–301.
- Андреев С.И. Отчет о работе археологической экспедиции Инспекции охраны историко-культурного наследия Тамбовской области в 2001 году // Архив ИА РАН. 2002. Р-1. № 23469.
- Андреев С.И. Отчет о работе археологической экспедиции Инспекции охраны историко-культурного наследия Тамбовской области в 2002 году // Архив ИА РАН. 2003. Р-1. № 24935.
- Андреев С.И. На юго-восточном рубеже Древней Руси. Этнополитическая история населения Окско-Донской равнины в XII–XV вв. Тамбов, 2008а. 340 с.
- Андреев С.И. О времени освоения древнерусским населением верховьев реки Цна (Тамбовская область) // Труды II (XVIII) Всероссийского

- археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН, 2008б. С. 308–311.
- Андреев С.И.* Никольское городище. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т, 2013. 215 с.
- Белорыбкин Г.Н.* Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та, 2003. 200 с.
- Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Кельгининский могильник. Раскопки 1990-х гг. Саранск: Красный Октябрь, 1998. 168 с.
- Беляев Я.В., Шитов В.Н.* Мордовский могильник XIV в. у с. Долгоруково // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. II. Пенза: Приволжское кн. изд-во, 1990. С. 92–95.
- Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Мордов. гос. ун-т, 2008. 352 с.
- Воронина Р.Ф.* Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало XI века. По материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. М.: ИА РАН, 2007. 164 с.
- Гришаков В.В.* Керамика Среднецнинской мордвы // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск, 1990 (Труды НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордов. АССР; вып. 99). С. 32–46.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, булавы IX–XIII вв. М.: Наука, 1966 (САИ; вып. E1-36). 191 с.
- Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003 (Археология). 533 с.
- Лесман Ю.М.* Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения: материалы конф., посвящ. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рожд. основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского (1992 г.) / Ред. В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. Новгород, 1994. С. 187–193.
- Ляхов С.В.* Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XII–XIV вв. в 1996 году // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования. Вып. 2 (1996). Саратов, 1997. С. 79–97.
- Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. / Ред. А.П. Смирнов. Моршанск, 1952. 232 с.
- Материальная культура Среднецнинской мордвы VIII–XI вв. / Ред. А.П. Смирнов. Саранск, 1969. 176 с.
- Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966 (САИ; вып. E1-36). 181 с.
- Монахов С.Ю.* Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология восточно-европейской степи. Вып. 2. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1991. С. 167–188.
- Моржерин К.Ю.* Комаровский могильник // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11. Саратов: Науч. книга, 2013. С. 140–179.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Сташенков Д.А.* Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16, № 3. С. 326–329.
- Тропин Н.А.* Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. 264 с.

THE BOKINO MEDIEVAL MORDVIN CEMETERY

Sergey I. Andreev

G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

E-mail: ioptambov@mail.ru

The article is focused on the results of studying of a ground cemetery in the outskirts of the village of Bokino (Tambov Region). 42 burials were identified: 19 female (of which four were children's), 21 male (one children's among them) ones; at least two more female burials had been destroyed. Among those burials, 35 had a southeast orientation, three were oriented strictly south, one – southwest. Men were buried stretched on their backs; the position of their hands is different: they are crossed on the stomach, extended along the body, or one laying on the stomach, the other along the body. Women were inhumated on the right side, there is only one case of the body on the left

one; legs were tightened, arms bent so that palms were placed in front of the face. Individual skulls were also identified. Mapping of burials suggests the presence of family areas at the cemetery.

Based on the analogy of the funeral rite peculiarities and the types of various inventory, it can be argued that the cemetery belonged to the Mordvin Moksha, who lived in the immediate vicinity of that location in the second half of the 13th—the third quarter of the 14th century. The Bokino cemetery is the only site of this kind in the territory of Tambov Region. The reason for the appearance of the Mordvinian population in the upper Tsna region, who did not have a genetic connection with the preceding population, remains unclear. At present, two sites of the same period have been studied in the region at which Russians and Mordvins lived together, with the former significantly outnumbering. The departure of the population from the region is associated with the end of stability period in the Horde in the late 14th century.

Keywords: Tambov Region, medieval sites, the Tsna Mordvins, cemetery, funeral rite.

REFERENCES

- Alikhova A.E.*, 1948. The Staraya Sotnya cemetery. *Arkheologicheskii sbornik [Collected articles in archaeology]*, 1. Saransk, pp. 212–258. (In Russ.)
- Alikhova A.E.*, 1954. The Muranka cemetery and settlement. *Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceed. of the Kuibyshev archaeological expedition]*, I. Moscow: Izd. AN SSSR, pp. 260–301. (MIA, 42). (In Russ.)
- Andreyev S.I.* Otchet o rabote arkheologicheskoy ekspeditsii Inspektitsii okhrany istoriko-kul'turnogo naslediya Tambovskoy oblasti v 2001 godu [Report on the activities of the archaeological expedition of the Inspection for the Protection of Historical and Cultural Heritage of Tambov Region in 2001]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]*, 2002, R-1, № 23469. (Unpublished)
- Andreyev S.I.* Otchet o rabote arkheologicheskoy ekspeditsii Inspektitsii okhrany istoriko-kul'turnogo naslediya Tambovskoy oblasti v 2002 godu [Report on the activities of the archaeological expedition of the Inspection for the Protection of Historical and Cultural Heritage of Tambov Region in 2002]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]*, 2003, R-1, № 24935. (Unpublished)
- Andreyev S.I.*, 2008a. Na yugo-vostochnom rubezhe Drevney Rusi. Etnopoliticheskaya istoriya naseleniya Oksko-Donskoy ravniny v XII–XV vv. [On the southeastern boundary of Rus. Ethnopolitical history of the Oka–Don plain population in the 12th–15th centuries]. Tambov. 340 p.
- Andreyev S.I.*, 2008b. The time of settling the upper reaches of the Tsna River (Tambov Region) by the Rus population. *Trudy II (XVIII) Vseross. arkheologicheskogo s'yezda v Suzdale [Works of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]*, II. Moscow: IA RAN, pp. 308–311. (In Russ.)
- Andreyev S.I.*, 2013. Nikol'skoye gorodishche [The fortified settlement of Nikolskoye]. Tambov: TGU. 215 p.
- Belorybkin G.N.*, 2003. Zapadnoye Povolzh'ye v sredniye veka [The West Volga region in the Middle Ages]. Penza: Izd. PGPU. 200 p.
- Belyayev Ya.V., Shitov V.N.*, 1990. The 14th century Mordvin cemetery near the village of Dolgorukovo. *Iz istorii oblasti. Ocherki krayevedov [From the history of the region. Studies of local lore experts]*, II. Penza: Privolzh. kn. izd., pp. 92–95. (In Russ.)
- Belyayev Ya.V., Vikhlyayev V.I., Zelentsova O.V., Shitov V.N.*, 1998. Kel'gininskiy mogil'nik. Raskopki 1990–kh gg. [The Kelginino cemetery. Excavations of the 1990s]. Saransk: Krasnyy Oktyabr'. 168 p.
- Grishakov V.V.*, 1990. Pottery of the Mordvins of the Middle Tsna region. Srednevekovyye pamyatniki Oksko-Surskogo mezhdurech'ya [Medieval sites of the Oka-Sura interfluvial]. Saransk, pp. 32–46. (Trudy NIIYaLIE pri Sov. Min. Mord. ASSR, 99). (In Russ.)
- Kirpichnikov A.N.*, 1966. Drevnerusskoye oruzhiye [Weapon of Rus], 2. Kop'ya, sulitsy, boyevyye topory, kisteni, bulavy IX–XIII vv. [Spears, darts, battle axes, slung shots, and maces of the 9th – 13th centuries]. Moscow: Nauka. 191 p. (SAI, E1-36).
- Kolchin B.A.*, 1982. The chronology of Novgorod antiquities. *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda [Novgorod collected articles. 50 years of the excavations in Novgorod]*. Moscow: Nauka, pp. 156–177. (In Russ.)
- Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka [The Crimea, North-Eastern Pontic region and Transcaucasia in the Middle Ages: the 4th–13th centuries]. T.I. Makarova, S.A. Pletneva, eds. Moscow: Nauka, 2003. 533 p. (Arkheologiya).
- Lesman Yu.M.*, 1994. Kashi beads in the Novgorod land: materials for the study of the Russian-Horde ties. *Novgorodskiy arkheologicheskoye chteniya: materialy konf., posv. 60-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgoroda i 90-letiyu so dnya rozhd. osnovatelya Novgorodskoy arkheol. ekspeditsii A.V. Art-sikhovskogo [Novgorod archaeological readings: Proceed. of the conference to the 60th anniv. of the archaeological studying of Novgorod and the 90th anniv. of the founder of the Novgorod archaeological expedition]*

- A.V. Artsikhovskiy*] (1992). V.L. Yanin, P.G. Gaydukov, eds. Novgorod, pp. 187–193. (In Russ.)
- Lyakhov S.V.*, 1997. Investigations of the Atkarsk ground cemetery of the 12th–14th centuries Mordvins in 1996. *Arkheologicheskoye naslediyе Saratovskogo kraya. Okhrana i issledovaniya* [Archaeological heritage of Saratov Region. Protection and Research], 2 (1996). Saratov, pp. 79–97. (In Russ.)
- Material'naya kul'tura Srednetsninskoy mordvy VIII–XI vv. [Material culture of the Mordvins of the Middle Tsna region in the 8th–11th centuries]. A.P. Smirnov, ed. Saransk, 1969. 176 p.
- Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. [Materials on the history of the Mordvins of the 8th–11th centuries]. A.P. Smirnov, ed. Morshansk, 1952. 232 p.
- Medvedev A.F.*, 1966. Ruchnoye metatel'noye oruzhiye. Luk i strely, samostrel. VIII–XIV vv. [Hand throwing weapon. Bow and arrow, crossbow. The 8th–14th centuries]. Moscow: Nauka. 181 p. (SAI, E1-36).
- Monakhov S.Yu.*, 1991. New studies of the Atkarsk ground cemetery. *Arkheologiya vostochno-evropeyskoy stepi* [Archaeology of East European Steppe], 2. Saratov: Izd. SGU, pp. 167–188. (In Russ.)
- Morzherin K.Yu.*, 2013. The Komarovka cemetery. *Arkheologicheskoye naslediyе Saratovskogo kraya* [Archaeological heritage of Saratov Region], 11. Saratov: Nauch. kniga, pp. 140–179. (In Russ.)
- Sedova M.V.*, 1981. Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry of Old Novgorod (the 10th–15th centuries)]. Moscow: Nauka. 196 p.
- Stashenkov D.A.*, 2014. Barbashina burial ground in the city of Samara: some research results and prospects. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences], vol. 16, no. 3, pp. 326–329. (In Russ.)
- Tropin N.A.*, 2004. Sel'skiye poseleniya XII–XV vekov yuzhnykh territoriy Ryazanskoy zemli [Rural settlements of the 12th–15th centuries in the southern area of the Ryazan land]. Voronezh: Izd. Voronezh. univ. 264 p.
- Vikhlyayev V.I., Begovatkin A.A., Zelentsova O.V., Shitov V.N.*, 2008. Khronologiya mogil'nikov naseleniya I–XIV vv. zapadnoy chasti Srednego Povolzh'ya [The chronology of cemeteries of the 1st–14th centuries population in the western part of the Middle Volga region]. Saransk: MGU. 352 p.
- Voronina R.F.*, 2007. Lyadinskiye drevnosti. Iz istorii mordvy-mokshi. Konets IX – nachalo XI veka. Po materialam Tsninskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1983–1985 godov [Lyada antiquities. From the history of Mordvins- Moksha. The late 9th–the early 11th century. Based on materials from the Tsna archaeological expedition of 1983–1985]. Moscow: IA RAN. 164 p.